

МОИ
СВОДНЫЕ МОНСТРЫ

ДОМИНАТРИКС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДОМИНАТРИКС

Мои сводные монстры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69161455

SelfPub; 2023

Аннотация

– Все, Стефа, поговорили. Я все сказал. И ты... тоже, – он застегивает свою рубашку, садится за стол, будто бы ничего и не было.– Ты не можешь так со мной поступить, – рефлекторно отступаю от него на несколько шагов, всхлипываю в ладонь. – Я все равно приду снова. Я больше теперь никогда тебя не оставлю. Сплетает пальцы и кладет на них подбородок.– Я могу поступить с тобой так, как захочу, – его голос ранит, разрезает что-то внутри меня. – Если я захочу, твой муж будет стоять на паперти с протянутой рукой, а ты – продаваться за тарелку супа. Поэтому пошла вон. И не смей мне больше рассказывать, как я могу поступать, а как не могу.– Я не верю, что это ты говоришь, – горько усмехаюсь я, поднимая свое пальто. – Ты стал таким жестоким...– Жизнь научила, – улыбается мне он. – А нет, погоди. Ты.

Содержание

Пролог	4
Часть 1 (6 лет назад)	13
2 (Стеша)	19
3 (Стеша)	24
4 (Стеша)	30
5 (Стеша)	36
6 (Стеша)	41
7 (Стеша)	46
8 (Стеша)	51
9 (Стеша)	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

ДОМИНАТРИКС

Мои сводные монстры

Пролог

Вхожу в его приемную, теребя в пальцах пояс плаща. Не знаю, отчего мне больше неуютно: потому что под верхней одеждой на мне только невесомое кружевное белье, или из-за того, что это место стало таким чужим после того, как он стал здесь полновластным хозяином.

Нарочито громко стучу высокими каблуками – меня трясет так, что сложно держать шаг. Вижу ее, и сердце проделывает в груди болезненный кульбит, почти нечем дышать. Его жена. Я видела ее лишь однажды, но точно ни с кем не спутаю.

– Стефания? – она смотрит на меня так, будто знает, зачем я к нему иду.

– Мы разве знакомы? – гляжу на нее почти презрительно, делаю вид, что и не знаю вовсе.

– Я вас знаю. Гордей рассказывал, – она делает паузу, отводит взгляд, набирает воздуха, и вновь глядит мне в глаза. – Ему хватит, Стефания. Всего хватит. И всей вашей семьи хватит. И... вас тоже.

“Пошла ты”, – отвечаю про себя и также внутренне пока-

зываю этой стерве средний палец, а вслух вместе с холодной улыбкой: – Как вас там... не помню имени, и вас, честно говоря, тоже... Мы сами с Гордеем разберемся в наших отношениях. Уйдите с дороги!

– Он не разобрался в прошлый раз. Я не хочу, чтобы это повторилось, – утонченная и сдержанная женщина вдруг шагает ко мне. – Гордей, конечно, сам все решит. Но, если вы снова сделаете ему больно... Я найду способ, чтобы больно было и вам. До свидания.

Она проходит мимо меня, удаляется по коридору – робот с идеально прямой спиной.

– Правильно, лучше тебе свалить с моего пути нафиг, – бормочу себе под нос и застываю у его двери, чувствуя, как пальцы превращаются в лед.

Стучу почти неслышно, а потом сразу поворачиваю ручку и вхожу.

– Ты что-то забыла? – он вскидывает голову, видит меня и разочарованно кривит губы. – Зачем ты пришла, Стефа?

Он в кипенно-белой рубашке, сидит за столом, перебирает бумаги длинными, красивыми пальцами, на одном из которых блестит чертово обручальное кольцо. Легкая щетина не скрывает шрам на шее – теперь он им гордится, а не прячет. Еще один шрам рассекает бровь.

– К тебе, – выдыхаю я, едва держась на ногах, не зная, куда деть руки, кроме как мять в них чертов пояс.

– Ты не услышала вопроса? – приподнимает одну бровь

и снова утыкается в документы. – Я не спросил к кому – ты пришла в мой кабинет, очевидно, ты знала, к кому идешь. Я спросил зачем?

– Я пришла поговорить, – с трудом проглатываю первую порцию издевательств, делаю несколько шагов к его столу.

– Говори, – все так же не глядит на меня.

– На самом деле я... – беру паузу, подхожу почти вплотную к этому чертовому столу, который такой большой и так сильно нас разделяет, развязываю пояс, делаю волну плечами и сбрасываю плащ на пол. – ...пришла, чтобы попросить прощения.

Поднимает на меня взгляд, в котором не мелькает и капли заинтересованности.

– Как всегда, натурой? – усмехается жестоко. – Уходи, Стефа.

– Нет, – насильно оттягиваю назад голые плечи, выставлю вперед ножку в черном чулке. – Не уйду. Я пришла, чтобы бороться за нас, чтобы все исправить. Боже, Гордей, я была такой дурой...

– Исправить... – он пробует на вкус это слово. – Тебя не учили в детстве, что если ты уже сломала игрушку, – ее практически невозможно починить?

– Ты не игрушка, – голос сипнет, почти пропадает, как и моя решительность.

– Теперь нет, – он поднимается, подхватывает свою черную матовую трость, обходит свой стол, сильно припадая на

одну ногу. – Или, возможно, это можно исправить? Не думаю. И с чего ты решила, что я хочу что-то исправлять?

– Болит? – спрашиваю, скользнув взглядом по его ноге.

– Не делай вид, что тебе не все равно, – смеется он. Совсем другой, холодный, чужой.

– Умоляю тебя, не надо так, – мямлю я, тянусь к его щеке. Мне кажется, что я сейчас сдохну, если не коснусь его. – Мне не все равно.

Уворачивается от моего прикосновения, делает шаг назад.

– С каких пор? С того момента, когда я забрал все, что у тебя было? Или с того, как ты застучала свою мать со своим мужем? – сверкает глазами. – Когда тебе стало не все равно?

– Пусть катится к черту и эта компания, и Рус, и все они. Плевать, – бормочу я, глотая слезы, которые капают на светлый ковер. – Я понимаю, что виновата перед тобой. Что ты хочешь, чтобы я сделала, чтобы ты мне поверил?

– От тебя мне не нужно абсолютно ничего, – смотрит на меня немного раздраженно, но... мне кажется, где-то на дне этого взгляда я вижу его прежнего.

Я так больше не могу. Паника сжимает мне горло, сердце сейчас лопнет от горя. Я молча падаю перед ним на колени, хватаюсь за его брючины, реву в голос:

– Пожалуйста, дай нам еще один шанс, Гордей. Я была дурой, но я по-прежнему тебя люблю.

Слышу тихий смешок. Горький, невеселый.

– Я ненавижу тебя, – бьет под дых такая знакомая фраза. –

Ничтожество. Она во всем лучше тебя. Ты просто глупая извращенка.

– Ненавидь, – вскидываю на него глаза. – Только не гони. Хоть ничтожество, хоть извращенка, хоть помешанная на тебе. Мне все равно, как ты меня называешь, только не гони.

Смотрит долго сверху-вниз пустым, почти безжизненным взглядом. И повторяет то, что уже говорил мне когда-то:

– Я никогда тебя не прощу.

– А я всегда буду просить у тебя прощения и говорить, что люблю, – захлебываюсь слезами, которые потоком льются на носки его ботинок. – Дай мне один-единственный шанс, умоляю.

Я вздрагиваю, когда моего бедра касается кончик трости. Скользит по моей коже, подцепляет резинку чулка.

– Никаких шансов. Ни одного, ни половины. Но у тебя есть полчаса. Если тебя устроит это, – они твои.

– Устроит, – быстро соглашаюсь я, встаю на колени, пытаюсь расстегнуть пряжку его ремня, но пальцы как не мои. – Я так по тебе скучала.

– Поднимайся, – тихо говорит он.

Смотрю на него, хочу спросить, что не так, но вместо этого с трудом поднимаюсь на дрожащие ноги, наконец, касаюсь его щеки.

– Животом на стол, – еще одна команда, как собаке. – Не хочу видеть твоего лица.

– Ты... – начинаю я и тут же закусываю до крови внутрен-

нюю сторону щеки, чтобы заткнуться. Я пришла сюда, готовая на все, и сейчас не сверну с пути. – Хорошо.

Я встаю к нему спиной, ложусь животом на прохладную поверхность стола, выпячиваю попку.

Вместо его прикосновений снова трость по спине. Едва касаясь, почти как его пальцы когда-то. Слышу, как звенит пряжка ремня, расстегивается молния. Горячая головка касается моих губок.

– Я жить без тебя не мог, – вдруг говорит он.

– Я жить без тебя не могу, и не смогу, и не стану, – шепчу, шире раздвигая ноги.

– Ты думаешь, мне не все равно, что будет с твоей жизнью? – тугой, мощный толчок заставляет меня вскрикнуть.

– Может, тебе и все равно, но я болею тобой, и не излечусь уже никогда, – стону, скребу влажными пальцами полированную поверхность стола.

– Излечиться оказалось не так уж сложно, – снова толчок, разносящий меня на части.

– Я не хочу излечиваться, – выдаю на полустоне-полувскрике, больно впечатавшись животом в кромку стола. – Так ты всегда со мной.

– Мой... – пальцы касаются моей поясницы. Впервые дотронулся до меня после всего. – Маленький... – легкие прикосновения пробегают по моей спине, сильные ладони ложатся на мои запястья, придавливая мои руки к столу. – Фетиш... перестал быть таким.

Я громко всхлипываю, моментально скатившись в истерику, еще сильнее сжимаю пальцами кромку стола, распластываюсь по его поверхности безвольной секс-куклой. Вот меня и не стало опять. Как слова могут делать так больно?

Теперь его толчки не приносят восторга – они болезненные, механические. Даже не секс ради секса. Даже не секс из жалости. Гораздо хуже.

– Ты такого меня хотела? – проваливаюсь от этого вопроса в тот самый день.

– Любого хочу, – ком в горле мешает говорить. – Все стерплю... Заслужила.

– Иди ко мне, – он выскальзывает из меня, тянет за руку, снова дезориентируя сменой настроения.

Я касаюсь его груди, хватаюсь за шею, готовая отключиться. Вдыхаю его запах, по которому так скучала, полными легкими и опять заливаюсь слезами.

– Прости... прости, – шепчу, уткнувшись носом в его рубашку. – Я так виновата. Ты прав... я ничтожество. Кем же я еще могу быть без тебя?

Скользит ладонями по моей талии, легко приподнимает и сажает на стол, смотрит вверх моей головы.

Я обхватываю его талию бедрами, прижимаюсь к нему, запускаю руки под рубашку, все стараюсь поймать его взгляд.

– Никаких поцелуев, верно? – шепчет он, чуть касаясь уголка моего рта. – Как раньше.

– Ты можешь сделать со мной все, что пожелаешь, – мне,

наконец, удается расстегнуть его рубашку, и я касаюсь губами его пресса, груди. – Все, что пожелаешь... Все...

Обнимает меня крепко, прижимает до хруста костей и вновь вталкивается резким движением.

Я лгну к нему, чтобы прочувствовать каждый толчок, услышать каждый стон, чтобы видеть его темнеющие от возбуждения глаза.

– Я люблю тебя, – почти выкрикиваю на глубоком, наполняющем толчке, который пронзает меня горячей иглой.

– Я... – он ускоряет темп, вдыхает мой запах, чувствую, как дышит мной. – Любил тебя.

– Я не верю тебе, Гордей, – двигаю навстречу ему бедрами, растворяюсь в предвкушении горького, убивающего меня оргазма. – Не верю, что все прошло.

Кладет ладонь мне на затылок, а вторую на шею, удерживает меня, долбит отчаянно и впервые встречается со мной взглядом.

– Правильно, девочка, не верь, – выдыхает.

– Я тебя чувствую, – балансирую на грани, почти отключаюсь. – А слова – пустышка.

Еще один толчок, и меня разносит кусками битого стекла, и каждый летит прямиком в сердце. Сжимаю его в себе, бешено пульсирую, просто не осознаю себя.

– Чувствуешь... – он выскользывает из меня, удерживая меня за плечо, кончает мне на живот с тихим стоном, сотрясается и сжимает кожу до боли. – Не пустышки – только сло-

ва Руса. Все верно ты чувствуешь.

Отстраняется, застегивает брюки, дышит тяжело. Трет лицо руками.

– Твои полчаса вышли. Уходи.

– Нет, – в ужасе мотаю головой. – Я не уйду. И плевать мне на его слова.

Нажимает какую-то кнопку на стационарном телефоне.

– Валера, выведи девочку, пожалуйста.

– Гордей, ты чего? – соскальзываю со стола, вновь пытаюсь коснуться его. – Не надо так.

– Все, Стефа, поговорили. Я все сказал. И ты... тоже, – он застегивает свою рубашку, садится за стол, будто бы ничего и не было.

– Ты не можешь так со мной поступить, – рефлекторно отступаю от него на несколько шагов, всхлипываю в ладонь. – Я все равно приду снова. Я больше теперь никогда тебя не оставлю.

Сплетает пальцы и кладет на них подбородок.

– Я могу поступить с тобой так, как захочу, – его голос ранит, разрезает что-то внутри меня. – Если я захочу, твой муж будет стоять на паперти с протянутой рукой, а ты – отсасывать за тарелку супа. Поэтому пошла вон. И не смей мне больше рассказывать, как я могу поступать, а как не могу.

– Я не верю, что это ты говоришь, – горько усмехаюсь я, поднимая свое пальто. – Ты стал таким жестоким...

– Жизнь научила, – улыбается мне он. – А нет, погоди. Ты.

Часть 1 (6 лет назад)

1 (Стеша)

– Давай как раньше, камень-ножницы-бумага? – слышу я голос одного из этих ненормальных сводных братьев, когда поднимаюсь с очередной вечеринки, которые регулярно проходят в нашем доме, в свою комнату.

Кажется, я слегка перебрала с шампанским.

– А может, сразу вдвоем ее прижмем? – усмехнувшись спрашивает Рус.

– О-о, хороший мальчик растет, – хохочет Гордей, и я не успеваю затормозить, чтобы они меня не увидели. О ком вообще они говорят?

– А вот и она, наша мисс гонор любого года, – заявляет Руслан, бесстыдно шаря по моему телу прожигающим взглядом синих глаз. Начинаю жалеть, что на мне такое открытое платье. – А поздороваться с братьями не хочешь, Стеша?

– Пошли вон, – бросаю я, привычно задрвав подбородок. Прямо у моей двери стоят, козлы.

– Ух, какая грубая, бессовестная девочка, – тянет Гордей. – Уверенная в себе. Еще веселее будет.

– Ну что ты так сразу наезжаешь, Гор? – улыбается Рус и сокращает спасительное расстояние между нами в два шага, опирается ладонью на стену у моей головы. – Может, она бу-

дет хорошей, ласковой девочкой.

– Да ну, я даже не начинал еще, – снова смеется бородатый шатен. – Пусть не будет, мне нравится, когда они кричат.

– Я сказала, дали мне пройти, – цежу я, но внутри неприятно замирает.

– Стеша, – склоняется Руслан так близко ко мне, что почти касается моего носа губами. – Покричи для нас, и мы подумает, отпустить ли тебя.

– Если вы не совсем идиоты, в чем я уже сомневаюсь, вы и так меня отпустите, – бравирую я, циклясь взглядом на его красиво очерченных губах.

– Глянь, какая, Гор, – усмехается он. – Такой милый ротик, и такие противные словечки. Кажется, Стеша, должна извиниться за хамство.

– А мы совсем идиоты, – улыбка Гордея кажется немного сумасшедшей и пугающей.

Он одним плавным движением перетекает к нам с Русланом, прижимается своим телом ко мне с другой стороны, и совершенно бесстыдным образом засовывает ладонь под мою короткую юбку.

– Давай, кричи, девочка, – он выдыхает прямо мне в ухо. – Пока тебя услышат в этом шуме, я успею трахнуть тебя как минимум пальцами.

Его движения подтверждают слова: ладонь ложится прямо на мою промежность, опалая сквозь трусики.

– Пока ее услышат, – вздыхает Руслан, жарко дыша мне

в шею, – мы успеем как минимум устроить ей двойное проникновение и, может, даже не пальцами.

Толкаю их, дергаюсь, вцепляюсь в запястье Гордея, пытаюсь остановить движение его руки.

– Больные придурки, – шиплю я. – Убрали от меня свои руки!

– Ты любишь, когда они кричат, – Руслан хватается меня за предплечье и впечатывает спиной в стену. – А я, когда сопротивляюсь. Нет ничего хуже, когда дама под тобой еще то бревно.

– Верно говоришь, – проговаривает один из моих сводных монстров, и я максимально сжимаю бедра, но палец Гордея все равно отодвигает кружево белья, проходится по моим губкам, и я едва сдерживаю предательский стон. – Ух, да тут уже все готово. Маленькая лицемерочка.

Руслан вздергивает мой подбородок пальцами и проводит по шее, от ключицы, до мочки уха, кончиком языка оставляя мокрую дорожку и заставляя меня задрожать еще сильнее.

– Держу пари, что наша крошка Стефания уже вся мокрая. Так ведь? Хочешь нас?

– Хочу, чтоб вы провалились сквозь землю! – выпаливаю я и буквально задыхаюсь, когда горячий палец ныряет между складочек, размазывает мою смазку и касается клитора, надавливает на него.

– Очень, очень плохая девочка, – Гордей прикусывает мочку моего уха. – Давай, раздвигай ножки.

– Стой, Гор, – улыбается Рус мне в губы. – Пусть сама выберет, кого хочет первым. А то как-то не по-джентельменски, даже если учитывать, что Стеша та еще лживая маленькая сучка.

– По-джентельменски, говоришь, надо? – усмехается недобро Гордей. – Так тогда ей надо попробовать обоих.

Он дергает сводного брата за руку, приставляет его ладонь рядом со своей.

– Давай, ныряй рядом, чтобы девочке было легче выбрать, – его смешок падает куда-то мне в желудок, и, кажется, сейчас я действительно начну паниковать.

– Вы что творите?! Отпустите сейчас же! – дергаюсь, сумасшедше бьюсь в сильных руках, но сдвинуть две глыбы просто невозможно.

– Мне нравится идея, – подхватывает Рус, сверля меня взглядом и растягивая губы в той самой улыбке. В детстве она не сулила ничего хорошего. – Тихо ты. Мы только тебя поласкаем, поможем снять стресс, чтобы не была такой злобной сучкой.

Его ладонь протискивается между моих бедер, палец проskalьзывает внутрь, и становится немного больно. Из моих легких разом выходит весь воздух, и я замираю, чувствуя, как из глаз брызжут слезы. С этими сволочами просто бесполезно бороться

– Ну-ну, маленькая, не плачь, – Гордей слизывает мою слезу со щеки и начинает выписывать круги вокруг самой

чувствительной точки. – Открывай ротик, не стесняйся стоять.

Руслан резко выдергивает из меня палец, поднимает руку и подносит ее к моим глазам, показывая, как тянутся ниточки моей смазки, резко вдавливая влажную подушечку, которая пахнет мной, в мою же нижнюю губу.

– Верно, открой ротик и покажи, как умеешь сосать, – тихо шепчет мне на ухо, прислонившись носом к моему виску.

Сжимаю зубы, стараюсь держаться, чтобы не разрыдаться окончательно. Пытаюсь отвернуться, но Гордей цепко хватается меня за подбородок, надавливает на щеки до боли.

Я открываю рот, позволяю Руслану засунуть туда палец на две фаланги и со всей силы сжимаю челюсти.

– Сука! – орет он громогласно, выдергивает из моего рта палец, а я чувствую на языке кровавый привкус. – Она меня укусила.

– Хорошая девочка, – хохочет Гордей, ослабляя хватку, а мне только этого и нужно.

Пижаю его в грудь и проскальзываю мимо зажимающего травмированную руку Руслана, дергаю дверь на себя и юркаю в свою спальню, быстро запираю замок.

Меня трясет. Я вбегаю в ванную и запираюсь там, стекаю спиной по полотну, прижимаю к груди колени и тихо реву. Не потому что эти гады прижали меня, а потому, что возбудилась от их мерзких слов и грязных прикосновений.

Подсыплю мышьяка им в кофе. Козлы. И матери расска-

жу. И отчиму. Всхлипываю, вытираю нос тыльной стороной кисти и реву еще сильнее. Потому что внизу живота пульсирует дикий огонь, который не намекает, а кричит в рупор, что никому ничего я не расскажу. Но мышьяк, конечно, вариант.

Поднимаюсь, смотрю на себя, такую несчастную, в огромное зеркало во всю стену и задираю блестящее платье. Касаюсь себя там, стыдно вспоминая в себе их пальцы и, наконец, не сдерживаю стон.

2 (Стеша)

Сквозь сон слышу, как мои многочисленные родственники куда-то собираются. Ну и пусть валят. Особенно эти двое. Как я вообще столько лет прожила с ними под одной крышей? Накрываю голову подушкой и снова проваливаюсь в сон.

В следующий раз я просыпаюсь и еще до того, как мой мозг начинает работать нормально, но инстинкты уже швыряют меня в панику с размаху.

– Вот так, девочка...

Голос раздается сзади, моя заведенная ладонь в его, направляет мои движения, а сами мои пальчики сжимают горячую плоть. Как ошпаренная шарахаюсь вперед, но сильные руки не дают мне сдвинуться с места. Одна все также удерживает мою ладонь на его члене, вторая сжимает мою грудь.

– Отвали от меня, сволочь, – выкрикиваю я, чувствуя, что внизу живота сжимается пружиной возбуждение от этих насильных, но... головокружительных движений, которые он проделывает моей рукой. – Ненавижу тебя, – добавляю, но звучу совсем жалко – голос глохнет.

– Да, давай еще, – шепчет хрипло. – Мне нравится вся та грязь, которую ты говоришь. Прямо как в себя заглянул.

Его ладонь проскальзывает от груди вверх, ложится мне на подбородок, заставляя меня запрокинуть и повернуть го-

лову почти до боли в шее и спине. Горячие губы сминают мои, а рука Гордея заставляет меня быстрее скользить по его члену.

Я должна бороться, брыкаться, кусаться, как вчера, но я замираю под ним, упиваюсь грязным наслаждением, возбуждаюсь еще сильнее от его стонов и тихого хлюпанья кожи под ладонью. Кажется, что могу кончить от всего этого и одного безумного, пошлого поцелуя.

– Такая горячая, – всасывает в рот кожу на моей шее, прикусывает ее. – Давно на тебя стоит.

– Извращенец, – выдыхаю, маскируя стон. – Неудивительно, что тебе никто не дает, раз у тебя встает на сестру.

– Сводную, – напоминает он. Одним движением стаскивает с меня спальные шортики до колен. – Я – извращенец, ты – мой маленький фетиш.

– Я все расскажу дяде Грише, и плакала твоя доля в компании, – угрожаю я, предчувствуя то, что будет дальше. Умираю от страха и желания.

– А мне на нее по херу, – тихо смеется он.

– И из дома вышвырнет, и будешь ты никем, – продолжаю давить я. – Так что пошел вон.

Отпускает мою руку, давая мне развернуться, нависает надо мной, глядит мне в глаза своими с поволокой. Чуть склоняется, не отводя от меня взгляда.

– А я и так никто, – его язык обводит мой сосок через маечку. – Можешь рассказать хоть всему миру, маленькая,

напуганная своими желаниями девочка.

Он проскальзывает пальцем по моим складочкам и одновременно с этим прикусывает сосок.

– А начну я с Инны, расскажу, с каким жалким насильником она встречается, – выдаю я с громким стоном. Мозги плавают, и я уже не уверена, что хочу, чтобы он прекратил свои мерзкие, непозволительные действия. – Вы с Русланом просто отвратительны в своих попытках самоутвердиться. Но даже с него меня не воротит так, как с тебя.

– Какой хороший мальчик Руслан, – зубами тянет вверх мою майку, задирая ее до подмышек, обнажая грудь. – Отсоси ему. Ему понравится. А мне понравится на это смотреть.

Палец не проникает внутрь, размазывает мою смазку тягучими, извращенными движениями.

– Ты омерзителен, Гордей, – я почти плачу. Возбуждение, горячее, болезненное, сродни пытке. И мне уже все равно, как это прекратится. Пусть уже это случится. – Ты всю жизнь с ним соревнуешься, и я не собираюсь быть разменной монетой в ваших извращениях.

– Глупенькая, – поцелуи цепочкой ложатся на грудь, живот. Язык пересчитывает мои ребра, то спускаясь ниже, то поднимаясь, чтобы втянуть в рот горошину соска, перекачивать его, прикусывать до легкой боли. – Это не соревнование. Это моя натура.

Палец ныряет между складочек, касается клитора.

– Ненавижу. Тебя, – простанываю, чувствуя, как щеки

опаляет слезами. – Никогда не прощу, если сделаешь это сейчас.

– Смешная, – он снова смотрит на меня. Его лицо прямо напротив моего. – Мне не нужно твое прощение. Ни сейчас, ни потом.

Снова поцелуй, язык скользит по моим зубам.

Не чувствую под спиной твердой опоры, лечу в пропасть. Самую глубокую в моей жизни. Ненавижу его. А еще больше – себя за эту слабость, за отсутствие нормального сопротивления.

– И все же он лучше, – усмехаюсь холодно, пытаюсь разыграть свою последнюю карту.

– Конечно, лучше, – смеется мне в рот Гордей. – Ведь он не сделает так.

Распихивает коленом мои ноги, разводит их широко, занимает собой это пространство, перехватывает у основания свой стоящий член, проводит им по щелочке, собирая влагу. Прямо головкой трет мой клитор.

– Ты только и способен, что брать силой, – умираю от стыда, что так обильно теку по нему. – Потому что только умышленная извращенка даст тебе по доброй воле.

– Знаешь, почему я, как ты говоришь “беру силой”? – его головка надавливает на чувствительную точку, трется об нее вверх-вниз. – Потому что могу.

– Я никогда не буду твоей, можешь насиловать, – пытаюсь сделать свой голос максимально безучастным, хотя внутри

все лопаются кровавыми пузырями. – Ты мне омерзителен. Смою тебя с себя в душе и забуду этот позор.

– Ты и правда думаешь, маленькая девочка, что можешь сказать что-то, чего мне не говорили раньше? – он вскидывает брови и растягивает губы в маниакальной усмешке. – Наивная. Мой глупенький фетиш.

Он целует меня жестко, кладет ладонь мне на лицо, надавливая большим пальцем мне на подбородок и заставляя открыть рот.

– Поцелуй меня и отпущу.

– Ты забыл, что вчера стало с Русланом? – спрашиваю издевательским тоном.

– Ты забыла, что Руслан не делал так, – он направляет головку в меня и замирает, войдя на пару сантиметров.

Я умираю внутри себя, чувствуя его в своем теле, понимая, что еще чуть-чуть и эта скотина станет моим первым мужчиной. Не хочу быть как все они. Не желаю становиться его марионеткой.

3 (Стеша)

– Он и в этом лучше тебя, – проговариваю немymi губами.

– Поцелуй.

Чувствую в себе крохотное движение.

– Пошел ты, – выплевываю зло, чувствуя, что вошла в безумный раж, что не сделаю ничего, чего он хочет, по собственному желанию.

– Хах, – смеется почти счастливо, больной придурок. – Тогда я пошел.

Еще движение, и я уже чувствую отголосок боли. Я вжимаюсь попкой в матрас, пытаюсь хоть немного от него отстраниться. Задыхаюсь собственным бешеным пульсом.

Смотрит на меня будто бы озадаченно.

– Ты... девственница, что ли? – спрашивает, прижав меня еще крепче.

– А ты как думал, урод? – выпаливаю зло, глядя на него не моргая. – Делай уже свое дело и пошел к черту!

– Хм... – он раздумывает всего секунду. – Так даже интереснее.

– Ты совсем больной, Гордей? – я готова выть от злости, неопределенности и возбуждения, от которого ноет низ живота. – Чертов извращенец, слезь уже с меня. Убью тебя, если тронешь.

– Убей прямо сейчас, – выскальзывает из меня, я чувствую, как горячий член, весь в моей смазке прижимается к моему лобку. – Пойдешь, возьмешь нож. Можешь проткнуть, где тебе больше нравится. Но я советую попытаться попасть между ребер в сердце. Я даже предсмертную записку напишу, чтоб тебя не закрыли. Давай, а?

Приподнимается, становится на колени между моих ног, скользит по мне взглядом, удерживая руками мои бедра, не давая их свести.

– А если не идешь за ножом, то... – снова касается меня там, выписывает восьмерочки на клиторе, пальцем второй руки снова ныряет в меня, покрывая его смазкой, а потом выходит и приставляет его к моему анусу. – Кончай уже.

Толкается пальцем резко, легко преодолевая сопротивление мышц.

Я вскрикиваю, вздрагиваю всем телом, чувствую, как мышечное колечко плотно обхватывает его палец. По низу живота проходит сладкая судорога, и я как последняя его грязная шлюха начинаю двигать попкой, насаживаясь на палец до упора.

– Я бы проткнула твое чертово сердце самым большим ножом, – грызу собственные губы до крови лишь бы не стонать, – но у тебя его тупо нет.

– Нет сердца, – он шумно дышит, хватая за запястье мою руку, кладет ее на свой член, сжимает у головки и отпускает, позволяя мне действовать самой. Сам снова прищипывает

мой клитор. – Все верно. Нет его.

– Ты отвалишь от меня, если кончишь? – выдыхаю я и двигаю рукой по его стволу, жестко надрачивая, чтобы это побыстрее кончилось.

– Если мы вместе кончим, – хрипит он, вижу, как закусывает красивую губу. – Потом можешь проткнуть сердце, которого нет.

– Я лучше перережу тебе горло, Гордей, – громко стону, пульсируя вокруг его пальца, и, чувствуя еще более мощный ток крови под пальцами. – Как же ненавижу, – почти плачу я, содрогаясь под ним.

– Да... Можешь даже оставить себе мою голову, Стефания, – он хрипло выстанывает мое имя, пульсирует в моей руке.

Сжимаю его в ладошке, чувствуя нечто похожее на превосходство, и взрываюсь, распадаюсь на тысячу осколков, которые отныне будут хрустеть под его подошвами.

– Все же не голову отрежу, – проговариваю сквозь сжатые зубы, глотая собственные крики, все еще слыша свое имя, произнесенное его нереальным голосом. – Тебе лучше меня опасаться. Сделаю из тебя евнуха.

Резко наклоняется ко мне, целует, врываясь языком в мой рот, вылизывает его, и я чувствую, как горячие капли падают мне на живот.

– Не сделаешь, – выдыхает в мои губы. – Ты захочешь продолжения.

– С тобой никогда, – огрызаюсь я, приходя в себя после сокрушительного оргазма. – Ты можешь сделать это снова только насильно! Ненавижу тебя! Ты просто жалок.

– Ври себе дальше, маленькая девочка, – кусает мою нижнюю губу, оттягивает ее чуть. Его палец выскальзывает из моей попки, а сам он поднимается с кровати, прячет член в боксеры.

– Если я захочу нормального секса, лучше пойду к нему. Хоть не так мерзко будет, – зло выдаю я, почти сразу пожалев о своих словах.

– Сходи обязательно, – усмехается, направляется к двери. – Сравнить нас – твое любимое занятие.

– Тут и сравнивать нечего! – выкрикиваю, чувствуя себя оплеванной. – Понятно, что Руслан – не такое животное бессердечное, как ты.

– Ты знаешь, где лежат ножи, – смеется он уже из коридора.

– Сволочь, – реву уже в пустоту.

Мои сводные монстры только с виду друзья, на самом деле с горшка друг с другом соревнуются: кто лучше, родной сын или приемный.

Я вскакиваю с кровати, вся насквозь пропитанная его запахом, с его вкусом во рту и его следами на теле, бегу в душ, где тру себя жесткой щеткой до красноты и болезненной кожи.

– Хоть у тебя и нет сердца, я все равно сделаю тебе боль-

но, – обещаю я, глядя на свое отражение в зеркале, пока привожу себя в порядок. – Ты не получишь того, чего хочешь.

Надеваю шелковую черную сорочку и кружевной халатик сверху, выхожу в коридор и иду навестить сводного братца, который тоже не сахар, но не такой прожженный извращенец.

Застываю у нужной двери как вкопанная. Влипаю в еще худшую хрень. Ну и пусть. Стучу. Громко и настойчиво.

Давай, открывай мне. Оборачиваюсь, прожигаемая взглядом. Гордей стоит, прислонившись плечом к косяку двери своей комнаты. Его глаза горят лихорадочным, животным блеском.

Стучу еще раз, демонстративно откидываю край своего халатика, чтобы он точно понимал, что я не к нему иду за этим самым, а к другому.

Поджимает губы, скорчивая уважительную физиономию, поднимает вверх два больших пальца. Нравится тебе? Хорошо. Потому что это не для тебя.

Да где ты пропал, Рус?

Дверь резко распаивается, и я почти врезаюсь в поблескивающий от пота торс младшего сводного брата, а потом натыкаюсь на горящие двумя льдинками голубые глаза.

– У вас, что, семейный слет? – ухмыляется он. – Или пришли побеспокоиться, не начался ли у меня столбняк?

– Прими девочку, дорогой, – ухмыляется Гордей. – С серьезным разговором к тебе.

– Ну раз с серьезным... – окатывает меня плотоядным взглядом, сдвигается в сторону и делает приглашающий жест. – Входи, Стеша.

Я бросаю последний уничижительный взгляд на Гордея и вхожу в комнату Руслана.

4 (Стеша)

Дверь за мной закрывается, и я тут же оказываюсь зажатой между ею и Русланом, который так близко, что я чувствую на себе его дыхание, вижу капельки пота над верхней губой, но хуже всего – взгляд. Он прибивает меня к дверному полотну раскаленным гвоздем, и я просто наблюдаю, как голубые глаза сводного брата словно заволакивает синими чернилами.

– Трахнулась с ним поутру и осталась разочарована? – проговаривает издевательски и упирает ладонь в поверхность в сантиметре от моего виска. – Или он довел тебя до слез, и ты пришла за утешением?

– Не твое дело, зачем пришла, – фыркаю я. Рассматриваю линию его подбородка, неосознанно цепляюсь взглядом за красивые губы. Хотя нет. Вполне осознанно. Еще я буду стонать. Громко.

– Помнишь, Стеша, когда мы были детьми, ты прибежала ко мне жаловаться, когда он тебя обижал? – его голос тихий, но глубокий, заползающий под кожу, заставляющий сердце биться быстрее. – Можно как тогда, только по-взрослому. Как он тебя трахнул, расскажи? Классика? Отсосала? Или дала в зад? А может, он поимел тебя и членом, и игрушкой, что вполне в духе Гордея?

– А какой вариант можешь предложить ты? – вздергиваю

подбородок, смотрю максимально с вызовом. Вот сейчас и посмотрим, насколько я права, что снова оказалась разменной монетой в их вечных соревнованиях.

– О, детка, – его горячие губы скользят по моей шее, чуть прищипывают кожу. – Я тебе сейчас расскажу, как это будет. Сначала ты встанешь передо мной на колени и отсосешь. А потом я кончу на твое красивое лицо, разверну задом и трахну в догги-стайл. Как тебе план?

– Не нравится первый пункт, – бравирую я, чувствуя внизу живота вновь возрастающее возбуждение от его пошлых слов и действий. – Лучше ты встанешь передо мной на колени. И будешь нежным мальчиком.

– А ты ничего не попутала, а? – его рука резко ложится на мою шею, и пальцы сжимаются вокруг плотным кольцом, до легкой боли прикладывает меня затылком о дверь. – Комнатой не ошиблась? Или голова болит с похмелья?

– А ты меня со своей невестой не перепутал? – так же хватаю его за шею – моих пальцев мало, чтобы обхватить ее, но я все равно впиваю в кожу ноготки. – Она любит стоять на коленях, да? Хорошая девочка? Чего же ты вчера терся своим стояком о плохую?

– Хорошая, и сосет отменно, – хрипло шепчет мне в губы, – но мне нравится воспитывать сучек с гонором, Стефания.

Он не пытается убрать мою руку от своего горла, и меня не отпускает, но свободная рука сводного братца тут же ока-

зывается под моей сорочкой, кончики пальцев гладят внутреннюю сторону бедра, заставляя меня дрожать.

– Ты такой дерзкий... – специально закусываю губу, доводя его до того самого слетания с катушек. – Такой властный... Заставь меня стонать. Выкрикивать твое имя. Сделай так, чтоб я кричала громче, чем с ним. Ты же слышал, верно?

– Ты больная на всю голову, – выдыхает и накрывает ладонью мой лобок, жестко трет большим пальцем клитор. – Ты провоцируешь, но я реально заставлю тебя орать так громко, что он точно услышит. Жестко, Стефания, нежностей не будет.

Встаю на носочки, тянусь к нему, замираю у самых его губ.

– Мне не страшно, – шепчу, едва касаясь его губ своими. – Я за этим и пришла.

– Нарвалась, – почти рычит Рус, жестко хватая меня за волосы и разворачивает спиной к себе. – Пропустим прелюдию, раз ты уже такая разогретая.

Впечатывает меня щекой в дверное полотно и коленом распахивает ноги по сторонам. В бедро утыкается горячая, твердая головка, которой он водит по моим складочкам.

Закатываю глаза и издаю стон. Сейчас. Все случится сейчас. Ну и пусть, не так, как я хотела, но тот, из-за кого я к двадцати трем годам еще ни с кем не спала, абсолютно этого не заслуживает. Годы, потраченные зря на абсолютного уродца. Нет. Даже не на него, а... У меня явно не было головы все это время.

Руки Руслана обжигают, жестко блуждают по моему телу, воспаляют кровь, чистят голову от ненужных мыслей и образов. Я прогибаюсь в пояснице, чтобы ему было удобнее. Давай, сделай уже это! А я не буду себя сдерживать.

Он раздвигает мои губки пальцами, и я чувствую, как в меня втискивается головка, большая, словно разрывающая меня. Замирает и выдыхает горячо мне в шею.

– Какого хера? – выругивается он и тут же выходит из меня, оставив после себя только саднящую боль. – Он что, тебя еще не трахнул?

– А тебе обязательно все подбирать за ним? – зло и разочарованно выдыхаю я.

– Тебе очень хочется другого, да, мамина принцесса? – усмехается он мне в лицо, развернув меня за плечо. – Или наоборот?

– Другого? Конечно, мне хотелось, чтобы ты не пугался, – фыркаю я, делая вид, что не понимаю, о чем он говорит. – Как девчонка. И это, очевидно, другое.

– Хочешь, забьемся, что после того, что сделаю с тобой я, ты тут же побежишь к нему? – прищуривается Рус и проводит кончиком языка по моей шее.

– Не побегу, – закусываю щеку изнутри. – Но, если не уверен в своих способностях, и точно знаешь, что мне придется идти и где-то догонять...

– Заткнись уже, Стеш, – хрипотца в его голосе царапает и возбуждает. Одним движением стаскивает с меня халат,

который стекает по мне шелковой волной, тянет вниз лямки сорочки. – Стонать и кричать ты точно будешь.

Подступаю к нему, кладу пальчики на грудь, веду ими вниз.

– Так чего же ты ждешь?

– Поцелуй меня и получишь сладкое, – трется кончиком носа о мою щеку.

В этот раз мне легко выполнить этот шантажистский приказ-просьбу. Я скольжу ладонями по его плечам, нащупываю пульсирующую горячую венку на шее, притягиваю его чуть ближе и целую.

Рус проводит кончиком языка по моим зубам, давит на них и проскальзывает мне в рот, играет с кончиком языка, вылизывает нёбо и тихо постанывает.

Одной рукой он давит мне на затылок, а другой сдергивает сорочку. Отрывается от моих губ и прижимает к ним кончик пальца с моим запахом.

– Покажи, что можешь быть хорошей девочкой.

– Для тебя могу, – шепчу я и облизываю его палец, втягиваю его в свой рот, давлю на подушечку языком.

– Видишь, как приятно может быть, когда ты не кусаешься, – его дыхание сбито так, словно парень пробежал стометровку. – А будет еще слаще, Стефания.

Медленно вытягивает палец из моего рта и сразу прикладывает его, влажный, к моему клитору. Вздрагиваю, издаю тихий стон.

– Еще, – выдыхаю, упираясь затылком в дверь.

Он молча опускается на колени передо мной. Смотрит снизу-вверх, полным желанием взглядом, от которого я теку нон-стоп.

5 (Стеша)

Мой сводный братец резко хватает меня за лодыжку и ставит мою ступню себе на плечо. Я смотрю на него и не могу поверить, что это происходит с нами. Что он вообще на такое способен.

– Мы об этом пожалеем, – шепчу я. – Правда?

– Я разрешаю тебе об этом забыть, как только выйдешь за порог, – хрипло простанывает он и проводит кончиком языка от моей щелочки и до бугорка клитора. – Я хочу увидеть, как ты кончаешь, Стеша.

Закрываю глаза и полностью отдаюсь его умелым движениям. Скребу ногтями лак на двери, дышу шумно и так часто, что могу свалиться в обморок из-за гипервентиляции легких.

Он всасывает в рот клитор, который как нерв без оболочки, и я вскрикиваю, пронзенная горячей иглой от пяток и до макушки. Руслан посасывает его, а потом, прекратив меня терзать, заталкивает в меня кончик языка, и я вздрагиваю всем телом.

– Еще, – шепчу я, хочу, чтобы он снова вернулся к самому чувствительному месту, потому что от таких ласк до оргазма оставалось всего ничего. – Обратно... Быстрее...

– Не ты решаешь, – оторвавшись от меня, проговаривает, задыхаясь.

Он сильнее раскрывает меня пальцами и проникает языком еще глубже, вылизывает меня изнутри и трется носом и бьющий током клитор.

– Пожалуйста... – я хаотично шарю руками, хватаюсь то за пустой воздух, то за его волосы. Кажется, сейчас сползу по этой двери. – Пожалуйста...

Решает сжалиться надо мной: опять всасывает в рот чувствительный, набухший бугорок и перекачивает его в теплом, влажном пространстве, просто сводя меня с ума.

Сжимает мою попку почти до боли и утыкается в меня лицом, приводя в восторг пошлыми причмокиваниями и горячим дыханием прямо туда.

Меня взрывает. Просто разносит на миллионы осколков. Я вздрагиваю в его руках, бешено мигаю мышцами и кричу так громко, что эта сволочь точно слышит.

– Руслан, – выстанываю я имя сводного брата, бьюсь будто в конвульсиях у чертовой двери. Хочу сделать еще больнее, и громко выдыхаю то, что не сказала бы мужчине, даже если это правда, как в случае Руса. – Ты лучший.

– Иди сюда, принцесса Стефания, – рыкает он, поднимается на ноги, поворачивает меня спиной к себе и прижимает к влажной груди. – Я так тебя хочу, сейчас взорвусь от желания.

Он поднимает мои руки и упирает их ладонками в дверь, его член проскальзывает между моих бедер, твердый ствол вдавливается в складочки.

– Так возьми меня, – “давай же, пусть это будет с тобой” – бьется в моей голове.

– Просто сожми бедра, оставайся и дальше моей послушной девочкой, – стонет он, потираяюсь об меня почти до боли. – Хочу так.

Я хнычу, хочу по-другому, хочу выйти женщиной из этой комнаты и пойти ткнуть этому козлу в нос: смотри, он лучше тебя, он все сделал правильно. Но только сжимаю бедра, слушаюсь Руслана, стараюсь сосредоточиться только на своих ощущениях и его столах в мое плечо.

– Так, девочка, – хрипит он и все ускоряет свои движения, растирает по мне смазку, долбится о мою попку пахом.

– Не называй меня так, – стону я, размазывая по двери выступающие слезы от переизбытка всего во мне.

Он покрывает поцелуями мою шею, прикусывает кожу, все сильнее вжимает мои лопатки в свое тело.

– Как ты хочешь, чтобы я тебя называл? – выдыхает вместе со стоном.

– Главное, не так... – мои слова тонут в стоне, возбуждение вновь пронзает каждую клеточку моего тела, заставляет двигать попкой ему навстречу.

– Сожми сильнее, маленькая похотливая сучка, – утыкается носом мне в шею, и движения становятся судорожными, дергаными.

Напрягаю как можно сильнее мышцы бедер и таза. Кажется, слышу шаги за дверью и пугаюсь, что это вернулись до-

машине. Адреналин смешивается с огнем желания, и меня неожиданно снова скручивает оргазмом. Не могу себя сдерживать. Кричу, и с этим криком еще сильнее чувствуются пульсации моего тела.

Его дрожь добавляется к моей, руки сжимают грудь до боли.

– Сука, – простанывает Рус, и мне на бедра брызжет теплая сперма, скатывается тяжелыми по коленкам. – На хера ты пришла, Стефания?

Подхватывает меня, и мы вместе оседаем на пол у чертовой двери. Утыкаюсь затылком ему в грудь и пытаюсь восстановить сбитое дыхание.

– Пришла уже, – едва заметно пожимаю плечами. – Чего теперь спрашивать.

Целует меня в макушку и прижимает к себе.

– Придешь снова, оттрахаю во все дырочки и уже не отпущу к нему. Имей в виду, – кажется, что в его голосе звучит сожаление о том, что было только что. – Иди уже.

– Не отпустишь, – смеюсь я. – Невесту свою лучше держи.

Поднимаюсь на ноги, подхватываю свой халатик, натягиваю его на голое тело, сорочку просто беру в руки.

– Если я захочу тебя себе, – смотрит тем самым нехорошим взглядом, – сам черт меня не удержит. Так что не советую больше стучаться в мою дверь.

Оборачиваюсь, смотрю сверху-вниз.

– Я не черт, Рус. Разве ты еще не понял? – горько усмеха-

юсь, резко почувствовав какую-то пустоту в себе. – Я хуже.

– Ты еще прибежишь ко мне совсем как в детстве, когда он обидит тебя. Только сейчас он стал гораздо хуже, чем был до того, как ты свалила...

– Так и я там не цветы собирала, братик, – криво улыбаюсь, и почему-то сейчас думается, что совсем, как он. – Пока.

Открываю дверь, выхожу в коридор, оглядываясь по сторонам.

– Пошла ты, – летит следом злое.

– Пошла, – закусываю губу, говорю тихо и слышу в тишине дома, как хлопает входная дверь. Ушел.

6 (Стеша)

Смотрю на пошлое сердечко, нарисованное на молочной пенке, и чувствую, как закипаю. Беру ложку и перемешиваю напиток без сахара и лактозы так активно, что он расплескивается на стол. Не хочу думать об этом мудаке, но мысли о нем навязчивые, как привкус сахарозаменителя на языке. Морщусь, когда мое тело услужливо подкидывает живые воспоминания о его грязных касаниях. Их даже душ не смыл. Даже Руслан не стер.

Смотрю в никуда, поминутно проваливаясь из реальности в воспоминания о нем теперь... и тогда... Нет, нет, хватит... Не хочу помнить его версию пятилетней давности. Забиваю голову его образами, словами, поступками дня сегодняшнего. Ужасное, мерзкое животное, хуже подкроватного монстра.

Телефон коротко вибрирует, вибрирует, и мой взгляд сам собой прилипает к экрану. Дура... Чего я жду? Извинений? Объяснений его поступка?

Сообщение от Руса: “Как твое похмелье? А знаешь, было неплохо. Заходи еще, когда захочешь пожаловаться на него”. И тупая россыпь злобных смайлов. Еще один придурок на мою голову.

Пишу быстро: “Если соберусь прийти, твое разрешение мне не понадобится”. Тыкаю в экран на кнопку “отправить”.

не сразу попадаю от злости и раздражаюсь еще больше.

– Что-то случилось? – мама напротив меня вскидывает брови в холодном любопытстве. – Кто настолько важен, что ты отвлекаешься от диалога с матерью, которую не видела почти пять лет?

– Прости, – мажу по ней рассеянным взглядом. – Просто хотела выключить телефон, чтоб не отвлекал. И голова болит ужасно, – тру виски для убедительности.

– Отчего же она болит? – мама складывает салфетку тонкими пальцами с идеальным маникюром. – Ты плохо спала?

– Да, ужасно спала, – отвечаю я чистую правду, вспомнив свое пробуждение, и почувствовав, как мое тело снова отзывается на мысли о нем. Нас вместе. Как же стыдно за это возбуждение, от которого ноют половые губки. – В моей комнате очень душно. Да и шумно было.

Мама смотрит на меня своими бесконечно голубыми глазами, которые умело акцентированы с помощью легкого макияжа так, что она выглядит не матерью, а максимум старшей сестрой.

– Стефания, – говорит она тем самым тоном, который заставляет меня напрячься. – Ты же помнишь, о чем мы с тобой говорили?

– Давай не будем, мам, – пытаюсь я отмахнуться от разговора, который не хочу возобновлять. – Ты мне лучше расскажи, что тут нового произошло, пока меня не было.

– И это как раз в тему именно того самого разговора, –

чинно садится, промакивает салфеткой уголок рта. – Гордей получил долю. Отмотать обратно это невозможно, я узнавала. Его акционный пакет достаточно велик, чтобы разрушить дело всей жизни Григория... или вывести на новый уровень. Но, будем откровенны, этого он делать не будет.

– Мам, ну есть же еще Руслан, – пожимаю плечами, делая вид, что мне пофиг на это, а у самой все внутри сжимается. Теперь понятно, почему он ведет себя еще ужаснее, чем тогда. Осознал свою власть.

– Я была против, ты же знаешь, – теребит кольцо с огромным бриллиантом. – Но Гриша меня не послушал. Полгода назад это чуть не привело... к непоправимому, и я отступила. Но теперь, ты вернулась. И я не хочу, чтобы повторилась та история.

– Та история никогда не повторится, – выпаливаю я скороговоркой, сжимая в пальцах салфетку. – Будь уверена. Я такой дурой была...

– Стефания... Я не хочу, чтобы ты даже разговаривала с ним. Такой... кхм... человек, как он, способен на все. А ты слишком хрупкая натура, моя девочка, чтобы пережить подобное еще раз. Мне бесконечно жаль, что я не могу оградить тебя от него.

Пережить подобное... Иногда мне кажется, что я и сама уже не понимаю, и толком не помню, что тогда случилось. Что было между нами. И так удобно прятаться за ее версией. Особенно сейчас, когда он стал таким.

– Я и не собираюсь с ним общаться, – фыркаю я, вздергиваю подбородок. – С Русланом тоже.

– Ты понимаешь, что человек, который, – она кривится, – совратил свою сестру, с которой он вырос, и которая младше на целых семь лет, априори ненормален. Я так рада, моя хорошая, что я успела вовремя тогда, – тянется рукой ко мне и сжимает мою ладонь. – Мне жаль, что я допустила до такого. Пообещай мне, что... если он хотя бы посмотрит на тебя не так, ты мне расскажешь.

Совратил... Может быть, так оно и было, но тогда мне казалось, что это любовь. У меня, по крайней мере. У этого бессердечного монстра точно нет.

– Конечно, – натянута улыбаюсь. – Все хорошо, не переживай.

– А насчет Руслана, я не была бы так категорична, – отстраняется мать, снова надевая на себя маску непробиваемого холода. – Он хороший мальчик. Не заслуживает твоего такого к себе отношения.

– Хороший, да, – отпиваю глоточек давно остывшего кофе. – Ты всегда хорошо к нему относилась.

– Потому что он не чужой нам, – безапелляционно, спокойно, словно о котятках. – Он часть семьи. Гордей – нет. Ты должна это понимать. Особенно, после того, что он сделал.

– И все же дядя Гриша ему доверяет, даже после того, что он сделал, – отчего-то мне все еще больно слышать ее рассуждения о нем.

– Мы же не будем такими легковверными, как Григорий, верно, Стефания? – мама приподнимает бровь, склоняя меня к одному верному в ее понимании ответу.

– Конечно, нет, – киваю я и резко меняю тему: – А Руслан действительно женится? Все так серьезно с этой... Не помню имени.

– Да, прекрасная девочка из нашего круга, – мама заметно расслабляется. – Ты вспомнишь ее, когда увидишь. Виктория, дочь Черных Ярослава Викторовича, партнера Григория. Сегодня как раз мы едем знакомиться с семьей невесты. Конечно, мы уже знакомы давным-давно, но, знаешь ли, в новом статусе встретимся впервые. Ты отправишься с нами?

7 (Стеша)

– Нет, не думаю, что это уместно, – хватаю свою сумочку с соседнего стула. – Знаешь, я ужасно устала. Поеду домой и лягу пораньше.

– Ну если устала, то поезжай, конечно, Стефания, – протягивает недовольно и подставляет напудренную щеку под поцелуй. – У нас с Гришей планы на вечер, так что позвони, как доберешься до дома. И закройся на замок на ночь.

– Конечно, – бросаю я и иду к выходу из кафе.

Вхожу в темный холл и надеюсь, что мне повезет не наткнуться ни на одного из них. Или, наоборот, жалею. Хочется либо высказать всю обиду Гордею, либо оторваться с Русом.

Принимаю душ, надеваю любимую пижаму, подсовываю под живот подушку и почти сразу забываюсь сном.

Звонок врывается в мои сновидения ураганом. Я не сразу понимаю, что происходит, сердце колотится ото сна. Нашупываю, наконец, на тумбочке смартфон. Щурюсь, смотрю на экран и замираю.

Видеозвонок от него. Он что теперь каждую ночь меня будет доводить? Нажрался, вероятно, и звонит. Ну все, сейчас я точно выскажусь, и рот он мне не заткнет. Тяну трубочку на зеленое поле.

– Что те...? – замолкаю на полуслове, физически чувствуя,

как округляются собственные глаза.

– Помашаи ручкой, красавица, – его хриплый голос близко к микрофону.

На экране темноволосая девушка старательно двигает головой, пытаюсь затолкать его член как можно глубже в свое горло. Смотрит прямо в камеру и машет мне рукой.

– Ты... – задыхаюсь, слова не идут, вязнут в горле, и такое чувство, что я почти чувствую там его член. – ...мерзкий извращенец.

– Глубже, малышка, – вместо ответа командует он, кладет руку ей на затылок, давит на него. Двигает навстречу ее рту бедрами, дышит шумно, и эти звуки вколачиваются мне в мозг. – Вот так, да...

Я вижу, как она начинает дергаться, пытается его оттолкнуть, бьет ладошками, но он отпускает ее только тогда, когда хочет сам. Ниточки слюны тянутся от члена до ее рта и не рвутся, даже когда она надсадно кашляет.

– Ты животное, – проговариваю, морщась, а сама не могу оторвать взгляда от экрана. Уговариваю себя сбросить вызов. И не могу.

– Просовывай ручку в свои шортики, девочка, – Гордей ненадолго переключает камеру на себя, закусывает губу, чуть ли не закатывает глаза, и мне становится маниакально интересно, что там происходит. – Порно в режиме реального времени. Как раз для таких лицемерных сучек, как ты.

Переключает камеру снова, и я вижу, что уже какая-то

блондинка насаживается ртом на его член, а та, первая девушка, с чавкающими звуками втягивает в рот его яички.

– У тебя, что, не встает, если я не смотрю? – спрашиваю максимально холодным тоном. – Ты жалок... и отвратителен. И мне все равно, что ты с ними делаешь.

– Когда ты смотришь, кончаю приятнее, – смеется с придыханием, совершенно не стесняясь ни того, что происходит, ни своих признаний. – Смотри, начинается моя любимая часть.

Он чуть отталкивает девушек, и они, как дрессированные, разворачиваются к нему задницами, становятся рядом, соприкасаясь друг с другом бедрами. Гордей шлепает их по попкам, поочередно сжимает половинки.

“Стеф, сбрось вызов... прекрати это”, – умоляю я себя мысленно, и все равно смотрю на это, хотя внутри меня сердце словно прокручивают в блендере. Ненавижу его. Ненавижу. И себя тоже. Когда это закончится, пойду к Русу, и просто заставлю его сделать это. Хотя...

– Не удивил, – улыбаюсь той самой стервозной улыбкой. – Он все еще лучше. Первый и единственный. Хочешь, расскажу о своих ощущениях от первого раза? Чтобы тебе приятнее было кончать.

– Давай, Стефа, – я практически слышу, как он улыбается. – Расскажи мне про свой первый раз. Ты когда-то пообещала, что сделаешь это с кем угодно, но не со мной... Рад, что у тебя получилось сдержать слово.

Он приставляет головку к анусу одной из девчонок и давит, стараясь протиснуться внутрь крошечной дырочки.

– Я, в отличие от тебя, умею держать слово, – я почти плачу, слезный ежик в горле мешает говорить.

– А я, в отличие от тебя, умею не давать слово, которое не хочу давать, – протанывает он, проталкивая головку в ее узкую дырочку.

Я слышу, как девушка стонет, дергается вперед, но он удерживает ее сильной рукой, начинает двигаться в ней. И каждый его стон летит режущим осколком в мое сердце.

– Он стонал еще громче, когда первый раз вошел в меня. Я с ним боролась. Было больно. И Русу пришлось удерживать за бедра, чтобы преодолеть преграду и войти глубоко, по самые яйца. Никакой романтики. Прямо на полу. И я уже хочу его так же, как ты ее. Чтобы он и в этом плане стал моим первым мужчиной. Не пальцем, как некоторые, членом, – я вру, чувствуя кожей, как жалка и неправдоподобна моя ложь.

– А тебе бы хотелось романтики, мой маленький фетиш? – он выходит из попки первой девчонки, подтаскивает к себе вторую и так же, как и с первой, врывается в нее.

– Мне хотелось... и хочется никогда больше не видеть твою рожу, – выдыхаю я, чувствуя, что вены сейчас разорвутся от ведер большого адреналина, который выплеснулся в кровь. – Я нашла своего мужчину и больше не поведусь на твои дебилские игры.

– Главное, на свои не ведись, – хрипит он и ускоряется.

Он трахает ее жестко, так, что она едва не падает. Долбит во всю силу, а когда начинает кончать, почти достает член, оставляя в ней только головку. Чтобы я видела, как он пульсирует. Его сдавленный стон режет уши, пропускает через мясорубку внутренности.

– Жалкий неудачник, – мой голос сел, меня просто разрывает от боли и нездорового возбуждения (кажется, коснусь себя даже через пижаму и кончу вместе с ним). – Ты можешь перетрахать хоть всех в этом городе, мне насрать. Вот и бесись дальше оттого, что никогда не получишь желаемого.

Переключает снова камеру на себя, дышит тяжело, на лбу испарина.

– А я получаю желаемое прямо сейчас, – сверлит взглядом прямо в камеру. – Я хочу, чтоб ты сходила с ума. Как я сходил. И у меня это получается. Пока, Стефания. На сегодня шоу закончено.

Он сбрасывает, оставляя меня наедине со своими мыслями.

– Сволочь, – воплю, срывая голос, и запускаю чертов телефон в стену.

Реву в голос, наблюдая, как он разлетается на части. Со всем как я.

8 (Стеша)

Не знаю, куда себя деть. Мечусь по своей спальне, натыкаясь на мебель. Сама того не осознавая, вылетаю в коридор, бросаю взгляд на дверь спальни Руслана.

– Приспичило тебе устраивать дебильные смотрины, когда ты так нужен, – зло выпаливаю в тишину абсолютно пустого дома.

Внутри словно все разрывается, превращается в кровавую труху. И если бы было так только из-за ненависти и обиды. Нет же. Я скучаю по этому мудаку. Точнее, нет, не так... Скучаю по тому, кем он был однажды. И это злит, бесит так, что я готова рвать на себе волосы и крушить все вокруг. И его тоже, но Гордея тут нет. Развлекается с этими шалавами. Господи, да сколько вообще их у него?

Спускаюсь на первый этаж и иду на кухню. Мне надо притупить эту боль. Стою у бара и выбираю анестетик. Шампанское? Нет, не оно – у меня не праздник. Тяну руку и беру с верхней полки квадратную бутылку с чем-то явно крепким. Долго вожусь с тугой крышкой, а потом делаю глоток обжигающего до тошноты спиртного прямо из горлышка. А потом второй... третий... пока в голове не образуется вата, и я не начинаю чувствовать себя отупевшей.

Замечаю у стены ящик с инструментами и валяющийся рядом молоток. Вчера ломалась вытяжка, или типа того, и,

вероятно, инструменты забыли ремонтники. Молоток большой, без сомнений, тяжелый.

– Ты знаешь, где ножи, – проговариваю, хихикнув, его фразу. – О да, знаю, где ножи. И что тебе дорого тоже знаю, – продолжаю разговаривать сама с собой. – На чем ты катаешься сейчас? Синий “Скайлайн”, да? Стоит без присмотра даже не в гараже.

Соскакиваю со стула и вытаскиваю из подставки для ножей самый большой, подбираю молоток и, не забыв бутылку, иду к тачке. Что ж, его нет, зато есть на чем оторваться.

Провожу рукой по идеальной поверхности, которая гладкая и приятно холодит мою горящую огнем кожу. Такой красивый капот. Такой идеальный. Обхватываю рукоятку молотка покрепче, размахиваюсь и бью. Удар такой громкий, громче только мое собственное сердце, которое грохает о ребра. Вмятина, уродливая, глубокая, приводит меня в восторг.

Я размахиваюсь и бью снова и снова. Отлетает боковое зеркало, идеальные двери и капот покрываются вмятинами, а лобовуха – мутными раскрошенными кружками и трещинами. Рушу дорожную тачку, пока не выбиваюсь из сил. Мало. Слишком мало. Беру нож и его острием процарапываю на дверце водителя одно из тех слов, которое прекрасно его характеризует: “предатель”.

Маниакально улыбаюсь, еще раз осматривая свою работу, забираюсь на раскуроченный капот, сажусь, подобрав под се-

бя босые ноги, и вновь глотаю мелкими глотками спиртное, от которого уже тошнит.

– Как называется инсталляция? – он неожиданно стоит прямо передо мной метрах в трех. Давно смотрит? Руки в карманах, взгляд исподлобья.

Я одним движением соскальзываю с капота. Вены затапливает литрами адреналина, от которого я вмиг трезвею. Не свожу с него глаз, готовая в любой момент броситься наутек.

– Название простое, – улыбаюсь я самой стервозной своей улыбкой. – Наверное, ты догадываешься какое, – отступаю еще на несколько шагов, гравий противно впивается в пятки.

– Да куда уж мне постичь великий замысел творца, – делает плавный, звериный шаг в мою сторону. Что бы он ни пытался сейчас показать, он далеко НЕ спокоен.

– Я тебя ненавижу, – выпаливаю я, задыхаясь от бешеного сердцебиения, и опять пячусь к дому.

Смотрю на него и просчитываю в голове, как побегу и насколько он быстрее. Если поймает, то ничего хорошего не будет. Не хочу, чтобы он касался меня. Мама была права по поводу этого психа ненормального.

– Мы в этом с тобой едины, – кривит губы он. – Я тоже ненавижу... себя.

Снова шаг ко мне.

– Хочешь теперь спрятаться? – вскидывает голову, почесывает густую бороду.

– Не смей ко мне подходить, – заговариваю ему зубы, что-

бы дать себе шанс скрыться от него в доме.

– Не то что? – еще пара шагов, и он оказывается слишком близко.

– Не то я расскажу все Руслану, – еще один спасительный шаг, наращивающий расстояние между нами.

– Можешь звонить прямо сейчас, – приподнимает бровь. – Ты телефон хоть с собой взяла?

– Я тебя не боюсь, – хочу звучать холодно, твердо, но голос дрожит, а в глазах уже собираются первые слезинки. – Не смей ко мне – Позвоню, не переживай, – еще чуть-чуть, я уже почти у крыльца. – Приедет и открутит твою тупую голову.

– Разве я сейчас должен переживать, моя маленькая девочка? – его взгляд леденеет, и я понимаю, что больше у меня нет времени на разговоры. Он мне больше его не даст.

Я бросаюсь к дому, преодолеваю три ступени в один прыжок, залетаю в холл и захлопываю дверь, до последнего надеясь, что успею закрыть замок, но его рука не дает.

Дверь отлетает в обратную сторону, чуть ли не отшвыривая меня в стену. Не жду, пока он войдет, бросаюсь прочь.

Нужно бы бежать наверх, к себе, но лестница освещена, и он быстро меня нагонит. Несусь в кухню, совмещенную с гостиной – там темно и много мест, где можно затаиться. Ступаю осторожно, стараясь быть бесшумной, но мое сердце стучит барабаном. Мне кажется, он это слышит, и найдет меня только по этому звуку.

Музыка, тревожная и волнительная, раздается будто бы

сразу во всем доме. Подключил всю акустическую систему. Чтобы... чтобы я сильнее боялась?

“Ты закрыла сердце на замок,
Чтобы я его открыть не смог,
Или я взломаю твой секрет,
Или ты сама ответишь мне...”

Голос разносится как будто бы внутри меня, заставляет кровь бежать еще быстрее, бьет в виски молотом.

– Поиграем в прятки, Стефа? – перекрикивает он исполнителя. – Как раньше?

“Как раньше”, – стучит в висках, и меня начинает подташнивать еще сильнее.

Чего я боюсь? Гордей не ударит меня из-за раскуроченной тачки. Это знаю точно. Это самое “как раньше” пугает куда сильнее, чем самое ужасное наказание. Если увижу хоть искру его прежнего, не смогу сопротивляться. А мне нужно его ненавидеть.

Я присаживаюсь за кухонным островом. Сейчас он войдет, и рвану из кухни, понесусь наверх... Эта музыка такая громкая, что мешает думать.

– Ты точно хорошо спряталась? – я почти физически ощущаю, как он приближается. Музыка сменяется с тревожной на мрачную, маниакальную. – Где ты? Я иду за тобой, – вторит он исполнителю.

“Я сделал бы тело себе
Из твоего запаха.

Я двери сносил бы с петель,

Чтоб ты заплакала.

Я продал бы душу, затем

Отнял обратно.

Чтоб ты любила меня

Неадекватно”.

Боже... Это же его плейлист? Он совсем сумасшедший?

На мгновение в моем обезумевшем от страха и возбуждения мозге возникает такая же сумасшедшая мысль. А может, позволить ему найти себя? Пусть делает, что хочет, лишь бы это безумие уже кончилось. Все равно этому извращенцу уже не будет в кайф, если я перестану быть его добычей.

– Чего ты боишься, Стефа? – снова сквозь музыку, снова в самое сердце. – Ты же знаешь, ни одна машина не стоит тебя.

Дело не в машине. И даже не в Руслане. Дело в нем. И во мне. И в нас, которых не стало. Дело в том, что он сделал мне очень больно, и я не останусь в долгу.

Он уже почти рядом со мной. Я медленно, на корточках двигаюсь в противоположную сторону. Рывок с места, и я оказываюсь на пороге кухни, выбегаю в слабо освещенный холл, где музыка грохочет просто оглушающе. Сил уже почти нет, но я рвусь к спасительной лестнице.

Снова смена песни на какую-то очень даже не грустную, а трагичную. Замираю на середине лестницы, потому что он сидит на верхней ступеньке. Локти на коленях и взгляд на меня. Застываем, сцепленные взглядами. И просто смотрим

друг на друга под эту как нельзя подходящую музыку. Его музыку.

“Мало, мало мне боли, боли,

Раны по швам и вали, вали.

Мы же большие, ломай, круши.

Вот тебе шея, ты и души.

Все будет круто, мальчик-кураж,

Ты же Иуда, ты и предашь”.

Он себя Иудой считает? Или меня?

– Я оплачу ремонт твоей чертовой тачки, – делаю шаг назад и спускаюсь на ступеньку ниже. – И музыка у тебя идиотская. И борода эта тоже.

– Мне по херу на машину, – смотрит, даже не моргая, кажется. – Ты почему вернулась?

– А мне по херу на тебя, – тут же выпаливаю я то, что точно разозлит его еще больше. – У тебя не спросила, нужно ли мне возвращаться домой. К родителям вернулась... и к Руслану.

– Я пять лет тебе писал, – бросает он спокойно ту самую фразу, которая выворачивает меня наизнанку.

Делаю еще шаг назад, и слишком поздно осознаю, что опоры нет. Хватаю пальцами воздух, надеясь схватиться за перила. Лечу вниз спиной, и мне даже как-то все равно.

Сильные пальцы сковывают мое запястье, дергают на себя. Прижимает меня крепко к себе, утыкая мое лицо себе в грудь, зарывает пальцы в волосы на затылке.

– Все соцсети, мессенджеры ты заблокировала. Почту сменила. Трубки не брала, а потом вообще сменила номер. Я пять лет писал на твою старую почту, надеюсь, что хоть случайно ты туда зайдешь. А потом вдруг я приезжаю в этот дом на очередной прием и вижу тебя, – каждое его слово отдается гулом в его груди, смешивается со стуком его сердца.

Я судорожно всхлипываю, помимо собственной воли вдыхаю полные легкие его запаха, по которому так скучала, который так хорошо запомнила.

– Отпусти меня, Гордей, – упираюсь ладонями в его грудь – уж лучше кубарем вниз по лестнице, это не так больно. – Писал ты мне. Отослал меня, поняв, что наши отношения становятся проблемой. Просто избавился, а потом писал. Пошел ты!

– Я не имею власти кого-то отсылать, ты не заметила? – сжимает мои плечи, встряхивает меня так, что голова начинает кружиться. А может быть, это от его близости. – И ты обрубил все контакты, вместо того, чтобы поговорить со мной! Ты не взглянула на меня ни разу за тот чертов вечер! О том, что ты приезжаешь, знали все, кроме меня. И ты что-то говоришь о том, что я избавился? Какая же ты лицемерка, Стефа. Или полная дура!

– Я сказала, убери от меня руки! – вновь пытаюсь оттолкнуть его от себя. Не хочу верить его словам, не могу просто. – Я тебе не верю!

– Я. Не. Могу. Убрать. Руки, – смотрит на меня колючим

безнадежным взглядом. И я вдруг понимаю, что он действительно не может. Он же больной. Ненормальный абсолютно. Мама была права во всем. Я правильно сделала, что уехала.

– Чего ты от меня хочешь? – проговариваю я почти спокойно, хотя внутри меня все грохочет и разносится пылью. – Что я должна сделать, чтобы ты отвалил от меня? Хочешь трахнуть меня? Давай сделаем это быстро, и ты покатишься к чертям!

9 (Стеша)

Секунду смотрит почти с брезгливой ненавистью, а потом цедит, облизав губы:

– Хорошо. Раздевайся.

– Не стану, – проговариваю четко. – Ведь насильникам положено рвать на жертвах одежду, брать силой. Я тебя не хочу, Гордей. Давай сделай это, и я пойду спать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.